

Видение парусника возникло в самый обычный день, но Дити тотчас угадала в нем судьбоносный знак, ибо этакой махины не видала даже во сне — да и откуда, коли живешь в Северном Бихаре, что в четырех сотнях миль от морского побережья? Деревня ее притулилась в глубине субконтинента, и до океана, темной пропасти под названием Калапани, Черная Вода, в которой исчезает святой Ганг, было немислимо далеко, словно до преисподней.

В тот год маки удивительно долго не сбрасывали лепестки, хотя зима уже иссякала; от самого Бенареса речные берега были укутаны толстыми покрывалами из белых цветов, отчего казалось, будто долгие мили Ганг несет свои воды меж двух ледников. Точно снега Гималаев спустились на равнины, чтобы дожидаться прихода Холи* с его весенним разноцветьем.

Деревня ютилась на окраине Гхазипура, что милях в пятидесяти к востоку от Бенареса. Как и все крестьяне, Дити беспокоилась из-за припозднившихся маков; в тот день она встала рано и привычно захлопотала по хозяйству: приготовила

* Холи — древний индийский праздник, который отмечается в мартовское полнолуние и знаменует приход весны, изгнание зла и возрождение жизни. Согласно легенде, в этот день сгинула злая ведьма Холика. — *Здесь и далее примеч. перев. и ред.*

мужу Хукам Сингху выстиранные *дхоти* и *камизу**, собрала узелок с обедом — лепешки *роти*** и соленья. Потом на секунду заглянула в молельню; позже она искупается и переоденется и уж тогда совершит надлежащую *пуджу**** с цветами и подношениями, а пока, все еще в ночном сари, на пороге лишь преклонила колени, молитвенно сложив руки.

Вскоре скрип колес возвестил о прибытии запряженной волами повозки, которая доставляла Хукам Сингха на гхазипурскую фабрику. Три мили не бог весть какая даль, однако и они непосильны для раненой ноги бывшего сипая британского полка. Впрочем, увечье костылей не требовало, и до повозки Хукам Сингх добирался сам. Дити шла следом, а затем вручала мужу обеденный узелок и флягу с водой.

Возчик, здоровяк Калуа, даже не пытался помочь седоку и лишь отворачивал лицо: Хукам Сингх из высшей касты раджпутов, ему негоже лицезреть физиономию представителя касты кожемяк, дабы не испоганить себе весь грядущий день. Умопившись на задке, сипай-ветеран сидел лицом к дороге, а узелок держал на коленях, чтобы не дай бог не коснуться кучерского барахла. Так они и ехали на скрипучей повозке до самого Гхазипура — вполне дружески беседовали, но друг на друга не смотрели.

При возчике Дити тоже осмотрительно прятала лицо и сбросила накидку, лишь вернувшись в дом, чтобы разбудить шестилетнюю дочку Кабутри. Свернувшись калачиком на циновке, девочка крепко спала, лицо ее то обиженно хмурилось, то освещалось улыбкой, и Дити удержала свою руку. В дочери она видела свои черты — те же пухлые губы, вздернутый нос и закругленный подбородок, с той лишь разницей, что все это свежее и четкое, тогда как ее собственный облик потускнел и расплылся. После семи лет замужества Дити и сама-то была еще ребенок, но в ее густых черных во-

* Дхоти — набедренная повязка до колен; камиза — верхняя длинная блуза.

** Роти — круглые пресные лепешки из муки и воды.

*** Пуджа — молитва.

лосах уже проглядывали сединки. Подпаленное солнцем, лицо ее потемнело, кожа шелушилась, в уголках рта и глаз появились морщины. Однако в заурядной, измученной заботами наружности Дити имелось нечто, выделявшее ее среди прочих, — светло-серые глаза, черта, необычная в здешних краях. Цвет, вернее, бесцветность ее глаз придавала ей вид слепой и одновременно всевидящей. Сей феномен пугал детвору, укрепляя суеверное предубеждение до такой степени, что порой Дити дразнили *дайной* и *чудалией**, но стоило ей бросить взгляд, как ребяшня прыскала врассыпную. Самой Дити слегка льстила собственная способность наводить страх, но все же она была рада, что дочь не унаследовала именно эту черту, и восхищалась ее глазами, черными, как и блестящие волосы. Глядя на спящую девочку, Дити улыбнулась и решила ее не будить; через три-четыре года Кабутри отдадут замуж, она еще успеет наработаться в мужнем доме, так что пусть понежится последние годочки.

Наскоро сжевав лепешку, Дити вышла к утоптанной меже, отделявшей их глинобитное жилище от маковых полей. Она облегченно вздохнула, в лучах восходящего солнца увидев, что кое-где маки наконец-то осыпались. На соседнем поле деверь Чандан Сингх уже орудовал *нукхой*, ножом с семью зубцами, — надрезал голые коробочки; если за ночь пойдет сок, следующим утром в поле выйдет вся семья. Нужно точно угадать срок, ибо растение отдает бесценную влагу очень недолго — протянешь день-другой, и от коробочек проку будет не больше, чем от сорняковых бутонов.

Чандан Сингх, тоже заметивший невестку, был из тех, кто не даст человеку пройти спокойно. Обладая выводком в пять душ, сей губошлеп не упускал случая укорить Дити малочисленностью ее потомства.

— *Ка бхайл?* — заорал он, слизывая с кончика лезвия каплю свежего сока. — Что такое? Опять одна работаешь?

* Дайна — обезумевшая от горя; чудалия — ведьма.

Сколько можно? Нужен сын, помощник! Ты же не яловка, в конце-то концов...

Дити уже привыкла не обращать внимания на подколки деверя; отвернувшись, она пошла к своему полю. Набирая горсти нежных лепестков, устилавших междурядья, она сыпала их в закрепленную на поясе широкую плетеную корзинку. Пару недель назад она бы осторожно пробиралась бочком, дабы не потревожить цветы, но сейчас шла резво, не заботясь о том, что развевающееся сари сбивает с созревших коробочек гроздь лепестков. Потом Дити вернулась к дому и опорожнила наполненную корзинку рядом с жаровней, на которой стряпала почти все блюда. Здесь пятачок утоптанной земли затеняли два громадных дерева манго с проклюнувшимися ростками, которые по весне превратятся в бутоны. В благословенной тени присев на корточки, Дити подбросила охапку хвороста на уголья, еще тлевшие со вчерашнего вечера.

В дверях показалась заспанная Кабутри.

— Что так поздно? — прикрикнула мать, утратив снисходительность. — Где тебя носит? *Кам-о-кадж на хой?* Неужто дел нет?

Велев дочери смести лепестки в кучу, Дити пошуровала в жаровне и поставила на огонь тяжелую сковородку. Потом высыпала в накалившуюся посудину горсть лепестков и придавила их тряпичным гнетом. Через пару минут спекшиеся лепестки выглядели совсем как лепешка роти. Кстати, их так и называли, хотя предназначение этих маковых роти было совсем иным, нежели пшеничных тезок: их продавали на гхазипурскую опииную фабрику, где они служили прокладками в глиняных горшках — упаковках опия.

Тем временем Кабутри, замесив чуток теста, сваяла пару настоящих роти. Дити быстренько их испекла и загасила огонь; пока лепешки отложили, чтобы позже съесть со вчерашним заветревшимся *алу-пост* — картошкой в пасте из макового семени. Сейчас мысли вновь обратились к моле-

не — приближался час полуденной пуджи, пора было искупаться. Умастив оливковым маслом свои и дочкины волосы, Дити накинула другое сари, взяла девочку за руку и через поле повела к реке.

Посадки мака заканчивались у песчаной отмели, плавно сбегавшей к Гангу, нагретый солнцем песок обжигал босые ноги. Внезапно бремя взрослой благопристойности соскользнуло с покатых плеч Дити, и она пустилась вдогонку за дочкой, ускакавшей вперед. У береговой кромки они выкрикнули заклинание Гангу — *Джай Ганга майя ки!* — и, набрав в грудь воздух, плюхнулись в воду.

Вынырнув, обе расхохотались: в это время года вода сначала кажется жутко холодной, а потом освежающе прохладной. Настоящий летний зной был впереди, но Ганг уже начал мелеть. Повернувшись лицом в сторону Бенареса, Дити приподняла дочку, и та вылила из пригоршни воду — дань святому городу. Вместе с водой из детских ладошек выпорхнул листок. Мать и дочь смотрели, как река уносит его к гхазипурским причалам.

Манго и хлебные деревья перекрывали здание опийной фабрики, однако над кронами просматривались полоскавшийся на ветру британский флаг и шпиль фабричной церкви для надсмотрщиков. У причала виднелась одномачтовая барка под английским флагом Ост-Индской компании. Она пришла из отдаленного филиала с грузом опия, который сейчас разгружала длинная цепочка кули.

— Мама, куда плывет этот кораблик? — задрал голову, спросила Кабутри.

Именно ее вопрос вызвал видение: внезапно перед глазами Дити возник образ громадного корабля с двумя высокими мачтами, на которых надулись огромные ослепительно белые паруса. Нос парусника венчала резная фигура с длинным, как у аиста или цапли, клювом. На баке стоял какой-то человек, он был плохо различим, но Дити твердо знала, что прежде никогда его не видела.